

**Священник
Павел
Флоренский**

ВСЕ ДУМЫ – О ВАС

**Письма семье из лагерей и тюрем
1933–1937 гг.**

Павел Флоренский

**Все думы – о вас. Письма семье
из лагерей и тюрем 1933-1937 гг.**

Православное издательство "Сатисъ"

2021

Флоренский П. А.

Все думы – о вас. Письма семье из лагерей и тюрем 1933-1937 гг. /
П. А. Флоренский — Православное издательство "Сатисъ", 2021

ISBN 5-7868-0100-4

П. А. Флоренского часто называют «русский Леонардо да Винчи». Трудно перечислить все отрасли деятельности, в развитие которых он внес свой вклад. Это математика, физика, философия, богословие, биология, геология, иконография, электроника, эстетика, археология, этнография, филология, агиография, музейное дело, не считая поэзии и прозы. Более того, Флоренский сделал многое, чтобы на основе постижения этих наук выработать всеобщее мировоззрение. В этой области он сделал такие открытия и получил такие результаты, важность которых была оценена только недавно (например, в кибернетике, семиотике, физике античастиц). Он сам писал, что его труды будут востребованы не ранее, чем через 50 лет. Письма-послания – один из древнейших жанров литературы. Из писем, найденных при раскопках древних государств, мы узнаем об ушедших цивилизациях и ее людях, послания апостолов составляют часть Священного писания. Письма к семье из лагерей 1933–1937 гг. можно рассматривать как последний этап творчества священника Павла Флоренского. В них он передает накопленное знание своим детям, а через них – всем людям, и главное направление их мысли – род, семья как носитель вечности, как главная единица человеческого общества. В этих посланиях средоточием всех переживаний становится семья, а точнее, триединство личности, семьи и рода. Личности оформленной, неповторимой, но в то же время тысячами нитей связанной со своим родом, а через него – с Вечностью, ибо «прошлое не прошло». В семье род обретает равновесие оформленных личностей, неслиянных и нераздельных, в семье происходит передача опыта рода от родителей к детям, дабы те «не выпали из пазов времени». Письма 1933–1937 гг. образуют цельное произведение, которое можно назвать генодицей – оправдание рода, семьи. Противостоять хаосу можно лишь утверждением личности, вбирающей в себя опыт своего рода,

внимающей ему, и в этом важнейшее звено – получение опыта от родителей детьми. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

ISBN 5-7868-0100-4

© Флоренский П. А., 2021
© Православное издательство
"Сатись", 2021

Содержание

Предисловие	8
От редакции	14
Завещание	16
Письма семье	22
13–14 октября 1933 г., ст. Ксениевская	22
23 ноября 1933 г., ст. Ксениевская	27
27 ноября 1933 г., ст. Ксениевская	28
28 ноября 1933 г., ст. Ксениевская	30
11 декабря 1933 г., г. Свободный	33
18 февраля 1934 г., г. Свободный	35
1 марта 1934 г., Сковородино	37
2 марта 1934 г., Сковородино	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Священник Павел Флоренский Все думы – о вас. Письма семье из лагерей и тюрем 1933–1937 гг

Все проходит, но все остается. Это мое самое заветное ощущение, что ничего не уходит совсем, ничего не пропадает, а где-то и как-то хранится. Ценность пребывает, хотя мы и перестаем воспринимать ее. И подвиги, хотя бы о них все забыли, пребывают как-то и дают свои плоды. Вот поэтому-то, хоть жаль прошлого, но есть живое ощущение его вечности.

*Из письма о. Павла Флоренского к матери.
Соловки. 1935 г.*

По благословению архиепископа Бельгийского и Брюссельского СИМОНА

Составление и общая редакция: *П.В. Флоренский и Н.А. Живолуп.*

Примечания: *П.В. Флоренский; Т.А. Шутова, В.П. Столяров, А.И. Олексенко, Н.А. Живолуп.*

Подбор иллюстраций: *П.В. Флоренский, В.П. Столяров, А.И. Олексенко.*

Подготовка текстов к печати: *П.В. Флоренский, В.П. Флоренский, Т.А. Шутова, Л.В. Милосердова, А.А. Санчес.*

Письма Литвинова и Брянцева любезно предоставлены их семьями.

В оформлении обложки использована фотография о. Павла Флоренского, сделанная его сыном Василием во время пребывания о. Павла в ссылке в Нижнем Новгороде (1928 г.)

Издательство выражает благодарность за содействие по сбору материалов для книги Российскому научно-исследовательскому институту природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева, Министерству культуры РФ и РАН, заводу экологических технологий и копирования «Диод».

© Архив семьи священника Павла Флоренского

© Составление, П.В. Флоренский; В.П. Флоренский.

© Издательство «Сатисъ», оригинал-макет, оформление, 2004

Предисловие

П. А. Флоренского часто называют «русский Леонардо да Винчи». Трудно перечислить все отрасли деятельности, в развитие которых он внес свой вклад. Это математика, физика, философия, богословие, биология, геология, иконография, электроника, эстетика, археология, этнография, филология, агиография, музейное дело, не считая поэзии и прозы. Более того, Флоренский сделал многое, чтобы на основе постижения этих наук выработать всеобщее мировоззрение. В этой области он сделал такие открытия и получил такие результаты, важность которых была оценена только недавно (например, в кибернетике, семиотике, физике античастиц). Он сам писал, что его труды будут востребованы не ранее, чем через 50 лет.

Говорят, что поэт в России больше, чем поэт. Продолжая эту мысль можно сказать, что и ученый в России больше, чем ученый, философ больше, чем философ, тем более живший во времена глубокого кризиса, который переживала его страна, весь мир. Отец Павел Флоренский пронес священническое служение на протяжении всего своего крестного пути, ведущего на Голгофу и далее в мир горний, откуда ныне и во все времена он ободряет и поддерживает своими молитвами нас, живущих в мире дольном. Жизнь такой личности несомненно представляет огромный интерес не только для понимания его творчества и его времени, но также для того, чтобы понять время наше и самих себя.

Если умозрительно соединить места, где побывал П. А. Флоренский: Германия, куда ездил в детстве, Дальний Восток – начало крестного пути, Закавказье, где родился и обратился к Богу, и, наконец, Соловецкий лагерь особого назначения, то получится крест. И если мысленно поднять его, этот крест, опирая на основание – Дальний Восток, то обозначится место упокоения христианина: лицом к востоку, чтобы, встав в день Страшного Суда, увидеть крест как знак Воскресения и крест – отпечаток на Земле земной жизни. На пересечении линий, там, где сердце, окажется Сергиев Посад – место подвига.

Рассчитывая по закону «золотого сечения» годы жизни священника Павла Флоренского, получим первую «особую точку» (термин П. А. Флоренского) 1900 г. – рубеж веков. Накануне, во время летних каникул 1899 г., которые гимназист Флоренский проводил вместе с семьей в селении Квишехты на берегу Куры, произошло то, что он опишет в главе «Обвал» своих воспоминаний – крушение научного позитивистского мировоззрения, которое станет началом пути к вере. В 1904 г. Флоренский поступает в Московскую Духовную Академию, в 1910 г. – принимает священнический сан. Вторая особая точка 1918/1919 гг. – мученическая кончина Государя, конец России прежней. Итак, схождение главного узла во времени и главной точки в пространстве – это Сергиев Посад 1918/1919 гг. Что же произошло в эти годы и стало средоточием жизни и началом пути на Голгофу о. Павла Флоренского?

«Флоренский Павел Александрович, профессор богословия, служитель культа (поп), выходец из знатной дворянской семьи, автор трудов по богословию, в которых откровенно выражены его монархические убеждения («Защита божества», *(так! – ред.)*, «Столп и утверждение Истины» и т. д.). В 1928 г. арестовывался ОГПУ и осужден как активный участник церковно-монархической организации на 3 г. С 1928 г. научный работник ВЭИ. Идеолог и руководитель центра к.-р. организации, в прошлом состоял членом к.-р. «Платоновской организации».

В достаточно полной «объективке» ОГПУ правильно многое, кроме «знатного дворянства» и существования «к.-р. организации». В «церковно-монархическую организацию» ОГПУ включило людей, даже не знакомых друг с другом. Действительной же причиной ареста было подчеркнутое в приговоре к ВМН (высшей мере наказания) «неснятие с себя сана». Высшей Волей, как называл Флоренский в подцензурных письмах из заключения Бога, было вручено ему священство, и сана он не снял и от Господа не отрекся. Приговоренный в 1933 году к

10 годам лагерей, он был отправлен сначала в восточносибирский лагерь «Свободный», а затем в знаменитый СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения. 25 ноября 1937 года постановлением особой тройки УНКВД по Ленинградской области П. А. Флоренский был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 8 декабря 1937 года в Ленинграде.

Узнав в Париже о гибели друга, о. Сергей Булгаков писал: «Жизнь ему как бы предлагала выбор между Соловками и Парижем, но он избрал родину, хотя то были Соловки, он восхотел до конца разделить судьбу со своим народом. И сам он, и судьба его есть слава и величие России, хотя вместе с тем и величайшее ее преступление». К этим трагическим и горьким словам, сказанным далеким другом и единомышленником, теперь можно добавить то, что если жизнь и давала выбор П. А. Флоренскому, уже известному ко времени его последнего ареста в 1933 году ученому и философу – ему предлагали убежище монархи и президенты многих стран, он мог бы уплыть к чужим берегам на «философском пароходе», как сделали это многие его соратники, – то Благая Воля предопределила его мученический путь на Голгофу, ибо Флоренский был заложником, заложником своей семьи, своего очага, своей Родины, подвижником и носителем особой священнической миссии, связанной с тем местом, откуда начался его крестный путь.

Арестованный Флоренский П.А.
Бутырская тюрьма. Февраль 1933 г.

Итак, контрреволюционного заговора не было. Но была тайна. Тайна, связавшая отца Павла Флоренского и его единомышленников. Эту тайну унесли с собой в мир иной все, к ней причастные. Говорят, что рукописи не горят. Не исчезают бесследно мысли, хранимые в сфере духа – пневмосфере, как называл ее П. А. Флоренский. Что же это за тайна, которую бережно хранил и за которую отдал жизнь священник Павел Флоренский?

Прежде чем назвать имя тайны и ее хранителей, несколько слов о таинстве – важнейшем понятии православия. Таинства сопровождают христианина всю жизнь.

Некогда Христос сказал апостолу Петру: «Ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою». Все, сказанное Спасителем, имеет не только символический, но и конкретный смысл. Краеугольный камень, на котором стоит церковь Христова, – апостолы и святые. Главное таинство – Евхаристия, преосуществление вина и хлеба в кровь и тело Господни может произойти только тогда, когда чаша со святыми дарами покоится на камне – на мощах угодников Божиих. Известный петербургский ученый и этнолог Л. Н. Гумилев так объяснял необходимость преосуществления Святых Даров с точки зрения закона энтропии: «Энергия тратится, все разрушается. Если не будет на земле Причастия, мир развалится». Вот почему сохранение мощей праведников – не только дань уважения, но и залог будущего существования человечества, возможность Земле быть. Вот почему уничтожение мощей – это не только кощунство, но и акт саморазрушения.

Теперь же отправимся в удел одного из любимейших русских святых, в дом Преподобного Сергия Радонежского, хранителя России. Это и есть «сердце» тайны – точка пересечения линий креста, который возложила Благая Воля на плечи о. Павла Флоренского.

В первые годы русского лихолетья подмосковный Сергиев Посад стал поистине духовной столицей прежней России. Сюда, к Преподобному Сергию, в сердце Православия, собрался цвет нации, представители ее славных семей, писатели, художники, философы. Какие громкие имена – Голицыны, Дурново, Иловайские, Шаховские, Раевские, Нарышкины, Родзянко, Шереметевы! Тут работают Фаворский, Розанов, Нестеров. Одно время тут существовал даже «Первый колхоз Сергиева Посада», председателем которого был граф Олсуфьев, а колхозниками – графы да князья. Они жались друг другу, ища защиты, пытаясь применить ко времени и укрыться за чуждой им лексикой и понятиями, чтобы сохранить семьи и уберечь негасимую свечу веры.

В 1918 году была создана Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевской лавры во главе с П. А. Флоренским. В 1920 году, когда Лавру закрыли, иноки монастыря и прилегающих скитов пошли работать в посадские музеи. Именно благодаря их подвижничеству сокровища Лавры были убережены от разграбления и надругательства.

Накануне Пасхи 1919 года по Сергиеву Посаду пошли слухи о том, что в Москве принято решение вскрыть мощи Преподобного Сергия Радонежского прилюдно, дабы «разоблачить чудеса и положить конец церковному мракобесию». О том, что произошло дальше, стало известно лишь в наши дни, а сведения об этом годами, поколениями собирались по крупицам, по разрозненным воспоминаниям причастных к событиям и их близких.

Произошло же вот что. В одну из ночей Великого Поста члены Комиссии, вероятно, о. Павел Флоренский и Ю. А. Олсуфьев по благословению наместника монастыря архимандрита Кронида вошли в Троицкий собор и, сотворив молитву, вскрыли раку, изъяли честную главу Преподобного, а на ее место возложили главу погребенного в подклети Троицкого собора князя Трубецкого. Главу Преподобного схоронили в ризнице Лавры и дали обет молчания, не нарушенный ими во всех тяготах жизни.

Ходившие по Сергиеву Посаду слухи оправдались, и комиссары и безбожники устроили в Лавре шабаш. Рака с мощами Преподобного была выставлена на глумление толпы. Хулителям казалось, что подобное действие должно было навсегда убить в посадцах веру в святых и чудеса. Но чудо все-таки произошло.

Глава Преподобного, убереженная от надругательства, тайно хранилась в ризнице вплоть до закрытия Лавры. В 1920 году Ю. А. Олсуфьев, поместив ее в дубовый ковчег, перенес в свой дом на улице Валовая в Посаде, ставшем Загорском. В 1928 году грянуло знаменитое «сергиево-посадское дело», пошли массовые аресты. Ковчег со святыней был закопан в саду дома Олсуфьевых и никто из причастных не выдал тайну на допросах. В начале 30-х годов накатилась новая волна репрессий, был арестован о. Павел Флоренский. В посадскую тайну посвятили П. А. Голубцова, ставшего позже архиепископом Новгородским и Старорусским Сергием.

Голубцов перенес святыню из олсуфьевского сада и сокрыл его в окрестностях Николо-Угрешского монастыря под Люберцами. Вскоре П. А. Голубцов также был арестован, а из заключения попал на фронт, где был санитаром. После демобилизации он перенес дубовый ковчег в дом племянницы Олсуфьева Е. П. Васильчиковой. Некогда юная Катя Васильчикова проходила по «сергиево-посадскому делу», но с помощью Е. П. Пешковой ей удалось избежать лагерей. Е. П. Васильчикова была последней хранительницей святыни. Екатерина Павловна жила с семьей в полуподвальном помещении в комнате с земляным полом в одном коридоре с самыми разными людьми вплоть до уголовников. В эти страшные годы и Глава Преподобного была вместе с народом в таких же тяжелых условиях. На Пасху, 21 апреля 1946 года Лавра была вновь открыта, а глава Преподобного втайне заняла свое прежнее место в гробе Преподобного. Мы не оговорились. Мощи Преподобного были возвращены церкви. Возвращен был и Успенский собор Троице-Сергиевой Лавры. Троицкий же собор оставался в ведении музея. Там же оставалась и серебряная рака для мощей с сенью, возведенная в царствование императрицы Анны Иоановны. Раку передали церкви после того, как кто-то из заезжих чужеземцев выразил недоумение тем, что рака и мощи находятся в разных соборах. Троицкий собор вернули церкви позже. И только тогда мощи Преподобного заняли свое место.

Вот эту-то тайну и хранил все годы заключения и лагерей священник Павел Флоренский. Он как бы жил двойной жизнью. Одна – земная, с подъемами и переключками, с работой и кратким отдыхом. Другая – непостижимая нам, причастная миру горнему, иной ипостаси. В этой тайной его жизни не было места страху, унынию, отчаянию. Из этой жизни он мог общаться с близкими тем способом, которым продолжает это делать сейчас – через молитву и Господне посредничество. «Я принимаю... удары за вас, так хотел и так просил Высшую Волю», – писал о. Павел жене и детям (18 марта 1934). Но он нес страдания и за сохранение Тайны. Он оберегал одну из немногих неоскверненных святынь России. Быть может, в этом и состояло церковное служение, возложенное на него в главном месте и в главный момент его земного пути. Возможно, это и давало силы переносить происходящее и внутреннее право внешне отойти от церковных дел в науку и технику, смириться, с одной стороны, с осуждавшими его за этот отход, а с другой – с приписывавшими ему участие в контрреволюционной организации: он действительно нарушал требования власти, оберегая святыню. В свете этого становятся более понятными поступки о. Павла, особенно в последние годы жизни.

З/к Флоренский П.А.
Сковородино ОМС. Фотография. 1934 г

Помимо этого особого, мистического общения о. Павел Флоренский обращался к близким в своих письмах, которые он писал из БАМЛАГа, а затем из Соловецкого лагеря особого назначения. В тюремно-лагерном зазеркалье священник Павел Флоренский провел 57 с половиной месяцев – с 26 февраля 1933 года по 8 декабря 1937 года. Эти сроки (срока полагерному) тоже делятся особыми точками «золотого сечения». Первая особая точка – самое счастливое и в то же время одно из самых тяжелых событий в лагерной биографии: приезд в Сковородино на Дальний Восток в июле-августе 1934 года жены Павла Александровича Анны

Михайловны с тремя младшими детьми Олей, Миком и Тикой, их последняя встреча, по сути дела – прощание. Вторая главная особая точка на крестном пути – 7 июня 1936 года, рождение первого из двенадцати внуков, названного его именем, что явилось реальным знаком продолжения рода Флоренских. О его рождении отец Павел узнал из писем старшего сына Василия и его жены Наталии.

Письма-послания – один из древнейших жанров литературы. Из писем, найденных при раскопках древних государств, мы узнаем об ушедших цивилизациях и ее людях, послания апостолов составляют часть Священного писания. Письма к семье из лагерей 1933–1937 гг. можно рассматривать как последний этап творчества священника Павла Флоренского. В них он передает накопленное знание своим детям, а через них – всем людям, и главное направление их мысли – род, семья как носитель вечности, как главная единица человеческого общества. В этих посланиях средоточием всех переживаний становится семья, а точнее, триединство личности, семьи и рода. Личности оформленной, неповторимой, но в то же время тысячами нитей связанной со своим родом, а через него – с Вечностью, ибо «прошлое не прошло». В семье род обретает равновесие оформленных личностей, неслиянных и нераздельных, в семье происходит передача опыта рода от родителей к детям, дабы те «не выпали из пазов времени». Письма 1933–1937 гг. образуют цельное произведение, которое можно назвать генодицей – оправдание рода, семьи. Противостоять хаосу можно лишь утверждением личности, вбирающей в себя опыт своего рода, внимающей ему, и в этом важнейшее звено – получение опыта от родителей детьми.

При чтении этих писем может возникнуть вопрос, почему Флоренский, священник, ученый, выдающийся мыслитель, живущий «миром горним», еще и в своей земной ипостаси, в письмах семье ни разу не пишет заветных слов о мире горнем, не рассуждает о Господе. Несомненно, важное значение имеет то, что все его письма были подцензурны. Кроме того многие узники не хотели писать близким всю правду, чтобы не усилить их страдания. Отсюда – подробные описания природы, не имеющих отношения к тюремным случаям, пересказы рассказов собеседников. Порой создается ложное впечатление о том, что не так уж «там» было плохо. Лишь в «Оро», в напряженной трудности стихов, помимо воли автора, проявляется его состояние. Но отец Павел владел языком иносказания, а его любимая жена Анна Михайловна Флоренская была его «вторым я» и могла прочитать между строк послание, которое из узилища отправлял потомкам, нам всем, ее необыкновенный супруг. В подцензурных письмах о. Павел не называл имена своих друзей, чтобы не подвергать их опасности, не писал слова «Бог», чтобы не писать его с маленькой буквы, а говоря «думаю», подразумевал «молюсь», – поэтому сокровенное название книги – «Все молитвы – о вас».

Да, он был несвободен. Но свобода в понимании православного человека – нечто иное, нежели то, что провозглашали «штурмовавшие небо» революционеры, отдававшие за это собственные и не щадящие чужие жизни. Это другое, нежели то, за что радуют нынешние борцы за всякие права и свободы, отмечающие прочь обязанности перед Богом. Отец Павел был свободен внутренне, потому что творил своей жизнью «православный опыт», «православный подвиг», исполняя наложенные на него саны обязательств и неся свой крест на Голгофу. Такой опыт вербально передать невозможно ни соузникам, пока они этого не просят, ни родным, потому что они также – совершают своей жизнью христианский подвиг – подвиг мучеников-свидетелей и жен-мироносиц, что вздрагивают от удара копья, нанесенного стражником Распятому, кровоточат от стигматов веры и страдания. От веры он, бамлаговский и соловецкий страдалец, не отрекся. Самая прямая молитва, идущая к Господу, – это молитва сугубая, молчаливая. Отец Павел творил ее все трагические годы своего подвижничества, когда он жил, будучи ежедневно, ежечасно, ежеминутно готовым предстать перед судом Всевышнего. Такая жизнь, преображенная в стояние пред Господом, растворенная любовью, является житием.

П. В. Флоренский,

От редакции

Письма священника Павла Флоренского из ссылок – с Дальнего Востока и Соловков – уже знакомы читателям по полному их изданию в 4-м томе «Сочинений в 4 томах» (М.: «Мысль», 1998) и публикациям в книгах и периодических изданиях. В данном издании обширная подборка писем распределена по разделам: «*Письма семье*» — сюда вошли письма к разным членам семьи, но большую их часть составляют письма жене, Анне Михайловне, и матери, Ольге Павловне Флоренской. Этот раздел должен как можно полнее представить жизнь о. Павла в лагерях. В письмо от 19–20 апреля 1936 г. вошло письмо Марии Вениаминовне Юдиной. Это одно из немногих лагерных писем, адресованное не членам семьи. Второй раздел – «*Письма детям*», которые распределены, в свою очередь, по разделам: «Письма младшим детям Мику и Тике», «Письма дочери Ольге» и «Письма старшим сыновьям Василию и Кириллу» – посвящен, соответственно, каждому из детей, по возрастам, от младших к старшим. И третий раздел – «*Письма о внуке*», как и первый, объединяет письма разным членам семьи – жене, маме, родителям внука – сыну Василию и его жене Наталии – и охватывает время ожидания рождения внука и первый год его жизни.

Такое «распределение» писем позволяет раскрыть одну из заветных тем писем из ссылки – рост, формирование личности человека в цельном контексте жизни семьи, рода, истории, культуры, что в полноте своей восходит к жизни в Боге – источнике всяческой жизни и подлинной гармонии.

Эти же идеи и темы – важнейшие и в поэме «*Оро*», написанной в лагерях. Фрагменты поэмы, по мере ее создания, посылались семье в письмах, она является их неотъемлемой частью. Поэма расположена в книге после писем, перед разделом «Священник, не снявший с себя сана». Открывает ее «Завещание» о. Павла, написанное в 1917–1923 гг. и являющееся, по сути, первым посланием семье в обстановке разразившейся в России катастрофы, губительные последствия которой о. Павел пророчески почувствовал сразу – первая запись в «Завещании» датируется апрелем 1917 года. Арест, ссылка и мученическая смерть о. Павла явились неизбежным следствием этих событий.

Обстоятельства последних месяцев жизни и гибели о. Павла описаны в разделе «*Священник, не снявший с себя сана*», включающем сохранившийся в архивах КГБ, материал о том, кто привел в исполнение приговор о расстреле з/к Флоренского. Все эти разделы, вошедшие в книгу помимо писем, создают необходимый контекст для их восприятия.

Все письма из ссылки о. Павел посылал по двум адресам – жене и маме (Анне Михайловне: Загорск /б. Сергиев/ Московской обл., Пионерская, 19; Ольге Павловне – в Москву: Плющиха, угол Долгого пер. и Новоконюшенного, д. 12, кв 7). Но каждое письмо было обращено сразу к нескольким адресатам – письма располагались на листе полосами и по получении могли быть разрезаны на части. К периоду соловецкой ссылки о. Павел выработал систему нумерации писем – каждое «общее» письмо имело единый номер, дату. Это было необходимо для ориентации в обстоятельствах работы лагерной почты – письма могли пропадать, задерживаться. По просьбе о. Павла четко нумеровали ответные письма и члены семьи. Поскольку в данном издании части писем разошлись по разделам, то в подзаголовках указывается место его написания. Более полные и точные названия этих мест можно найти в «Приложении», где даны сведения о перемещениях з/к Флоренского П.А., а также карты-схемы Соловецкого лагеря, разработанные В.П. Столяровым.

Примечания к письмам даются в тексте, после каждого письма. В примечания включены также фрагменты писем Романа Николаевича Литвинова, солагерника о. Павла по Соловкам, жене Варваре Сергеевне, многие из которых публикуются впервые. Эти письма дополняют картину лагерного быта, водорослевого производства, которое Флоренский и Литвинов разра-

батывали на Соловках. При подготовке книги использованы также письма другого союзника П.А.Флоренского Николая Яковлевича Брянцева.

Текст писем приводится с особенностями орфографии и пунктуации, имевшими для о. Павла принципиальный характер. Таковым было написание приставок типа без-, раз- без оглушения последней согласной, что позволяет сохранить их лексическое значение. Но в письмах встречается написание и по правилам современной орфографии. Из особенностей авторской пунктуации сохранено выборочное обособление вводных слов, в зависимости от их смысловой нагрузки в предложении.

Текст писем печатается по их полному изданию в 4-м томе «Сочинений в 4-х томах». М.1998; поэма «Оро» – по книге: П. Флоренский. «Оро». М., 1988. «Завещание», а также фрагменты воспоминаний о. Павла Флоренского, включенные в примечания, – по книге: Священник Павел Флоренский. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М. 1992. В ссылках на книгу в примечаниях ее название дается сокращенно: «Детям моим» с указанием страницы. Из этих же книг почерпнуты справочные сведения, собранные А.С. Трубачевым (ныне игуменом Андроником). При составлении примечаний использовалась также книга В.И Оноприенко «Флоренские» (М. 2000). Карты-схемы и сведения о перемещениях з/к Флоренского П.А. взяты из публикации: Столяров В.П., Флоренский П.В., Шутова Т.А. Соловецкая география священника Павла Флоренского // Северный архив. Т.2. М., 2004. Ряд иллюстраций взят из книги Ю.А.Бродского «Соловки. Двадцать лет особого назначения» (М.: «Российская политическая энциклопедия» / РОССПЭН/, 2002).

В оформлении поэмы «Оро» использованы уникальные кадры документального фильма о БАМЛАГе 1930 г., снятого в местах пребывания в ссылке о. Павла Флоренского.

Для удобства читателей сведения об адресатах писем – членах семьи вошли не в примечания, но даны в конце книги, на стр.

Примечания А.И. Олексенко к блоку цветных иллюстраций – рисунков о. Павла Флоренского – помещены сразу после блока иллюстраций. Благодарим за помощь в уточнении названий растений и животных О.В. Максимову.

Завещание

Завещание

Моим детям: Анне, Василию и Кириллу и Олечке – на случай моей смерти

1917.IV.11.

Сергиев Посад

1. Прошу вас, мои милые, когда будете хоронить меня, – приобщиться Святых Таин **в этот самый день**, а если уж будет **никак** нельзя, то в ближайшие дни. И вообще прошу приобщаться вскоре после смерти моей **чаще**.

2. Обо мне не печальтесь и не скорбите по возможности. Если вы будете радостны и бодры, то мне этим доставите успокоение. Я всегда буду с вами душой, а если Господь позволит – буду часто приходить к вам и смотреть на вас. Но вы уповайте на Господа и на Его Пречистую Матерь и не печальтесь.

3. Самое главное, о чем я вообще прошу вас, – это чтобы вы помнили Господа и ходили пред Ним. Этим я говорю все, что я имею сказать. Остальное – либо подробности, либо второстепенное. Но **этого** не забывайте никогда.

4. Не забывайте рода своего, прошлого своего, изучайте своих дедов и прадедов, работайте над закреплением их памяти.

Священник Павел Флоренский с женой Анной Михайловной и сыном Василием.
Сергиев Посад. Фотография А.П. Платонова. 1914 г

1917.V.08.

Старайтесь записывать все, что можете, о прошлом рода, семьи, дома, обстановки, вещей, книг и т. д. Старайтесь собирать портреты, автографы, письма, сочинения печатные и рукописные всех тех, кто имел отношение к семье, к роду, знакомых, родных, друзей. Пусть вся история рода будет закреплена в вашем доме и пусть все около вас будет напитано воспоминаниями, так чтобы ничего не было мертвого, вещного, неодухотворенного.

5. Дома, библиотеки, вещей не продавайте, без самой крайней нужды. Главное же мне хотелось бы, чтобы дом оставался долго в нашем роде, чтобы под крылом Преподобного Сергия вы, и дети, и внуки ваши долгодолго имели крепость и твердую опору.

1917.07.06.Серг<иев> Пос<ад>

6. Мое убеждение – что роду нашему должно иметь предстоятелей у Престола Божия. Мое чувство – что тысячи вразумлений Божиих и тысячи подстерегающих враждебных глаз направляют наш род к одной цели – не изменять назначенному нам стоянию в олтаре Господнем. Отказ от этого стояния, бегство олтаря поведет к тяжелому року над нашим домом.

Мне думается, то тяжелое, что пережил наш род, начиная от деда, есть следствие уклонения от олтаря Господня. Пусть же в каждом поколении хоть один будет иерей, лучше всего – как я, т. е. иерей для себя, иерей ради службы Божией, имеющий ремеслом что-нибудь особое! Подумайте об этом, сыны мои!

7. Мне думается, что задачи нашего рода – не практические, не административные, а созерцательные, мыслительные, организационные в области духовной жизни, в области культуры и просвещения. Старайтесь вдуматься в эти задачи нашего рода и, не уклоняясь от прямого следования им, по возможности твердо держаться присущей нам деятельности.

8. Не ищите власти, богатства, влияния... Нам не свойственно все это; в малой же доле оно само придет, – в мере нужной. А иначе станет вам скучно и тягостно жить.

1919.VI.26. Серг<иев> Пос<ад>, ст. ст.

9. Дети мои милые. Это время революции было так тяжело, как только можно было себе представить; было – и есть, и Бог знает, сколько еще продлится. Эпидемические болезни, голод, невероятная дороговизна, бесправие, возможность всякого насилия – все, что только можно представить себе тяжелого, не отсутствовало кругом нас. Но Милосердие Божие, Покров Пречистой Девы и Помощь Преподобного Сергия, а также молитвы Иеромонаха Исидора¹ и Епископа Антония², а может быть – и Архимандрита Пимена – не оставляли нас, и великим чудом мы не терпели недостатка, хотя по человеческому разумению должны были бы тысячу раз умереть от голода, холода и болезней, а также претерпеть все виды насилий. Милые мои дети. Господь хранил нас, мы не оставались без Его Покрова. Не забывайте никогда, прошу вас и завещаю вам, этого времени вашего детства и всегда обращайтесь за помощью к Господу, Божией Матери, угоднику Божию Сергию, а еще святым Николаю Чудотворцу, преподобному Серафиму и своим Ангелам. Обращайтесь с горячею просьбою и мольбою о помощи к друзьям и покровителям нашего дома Иеромонаху Исидору и Епископу Антонию и Архимандриту Пимену.

Не забывайте этого, помните, опытами многими убедился я, убедились мы в действительности молитв и просьб к ним. И еще раз скажу, не забывайте их, милые мои, обращайтесь к ним с каждою нуждою, помните, что в лице их вы имеете домашних покровителей, знавших нас, и любивших нас, и заботившихся о нас при жизни своей.

Троице-Сергиева Лавра.

Фотография П.А. Флоренского. На обороте надпись «1926, VЗ с. с.»

1920.VI.03.

10. Мои милые, в это тяжелое время друзья и знакомые много помогали нам, и без помощи их нам не выжить бы. Многие проявляли доброту и внимание, нами не заслуженные. И вы, мои хорошие, будьте всегда в жизни добры к людям и внимательны. Не надо раздавать, разбрасывать имущество, ласку, совет; не надо благотворительности. Но старайтесь чутко прислушиваться и уметь вовремя прийти с действительной помощью к тем, кого вам Бог пошлет как нуждающихся в помощи. Будьте добры и щедродательны.

Когда же вам самим будет плохо, то воззовите к Богу, обратитесь к святым угодникам – к Николаю Чудотворцу, к преподобным Сергию и Серафиму, обратитесь к покровителям нашего дома, о которых я говорил вам уже. Верьте, мои милые, что я говорю по многому опыту, – они не оставят вас без помощи.

Много-много раз я убеждался в действительности молитв к ним и не бывал не услышан, когда просил их. И вот, мои родные, мои родимые, никогда не забывайте молиться и обращаться за помощью к небесным покровителям. Из друзей же, помогавших нам, в особенности назову: Наталию Александровну Киселеву, Софию Сергеевну Тучкову, Софию Ивановну Огневу³, некоторых моих учеников по Академии.

11. Мои милые, грех, который особенно тяжело было бы мне видеть в вас, это зависть. Не завидуйте, мои дорогие, никому. Не завидуйте, это измельчает дух и опошляет его. Если уж очень захочется что иметь, то добывайте и просите Бога, чтобы было желаемое у вас. Но только не завидуйте. Мещанство душевное, мелочность, дерзкие сплетни, злоба, интриги – все это от зависти. Вы же не завидуйте, утешьте меня, а я буду с вами, и сколько можно мне будет, буду молить Господа о помощи вам.

И еще – не осуждайте, не судите старших себя, не пересуживайте, старайтесь покрывать грех и не замечать его. Говорите себе: «Кто я, чтобы судить, и знаю ли я внутренние побуждения, чтобы осуждать?» Осуждение рождается по большей части из зависти и есть мерзость.

Воздавайте каждому должное почтение, не заискивайте, не унижайтесь, но и не судите дел, которые вам не вручены Богом. Смотрите на свое собственное дело, старайтесь сделать его возможно лучше, и делайте все, что делаете, не для других, а для себя самих, для своей души, стараясь из всего извлечь себе пользу, назидание, питание души, чтобы ни одна минута вашей жизни не утекала мимо вас без значения и содержания.

Москва.1921.III.19–20. Ночь у В.И.Лисева.

Суббота под воскресенье

12. Милые мои детки, тоскует мое сердце по вас. Когда вы вырастаете, то узнаете, как тоскует отцовское и материнское сердце по детям. И тоскует оно по моей бедной маме, которая сидит одинокая и к которой нет сил приблизиться внутренне. Много-много хочется написать мне вам. Приходят вереницы мыслей и чувств, но нет ни времени, ни сил записывать. Вот одно, что особенно настойчиво просится к записи:

Привыкайте, приучайте себя все, чтобы ни делали вы, делать отчетливо, с изяществом, расчлененно; не смазывайте своей деятельности, не делайте ничего безвкусно, кое-как. Помните, в «кое-как» можно потерять всю жизнь, и напротив, в отчетливом, ритмическом делании даже вещей и дел не первой важности можно открыть для себя многое, что послужит вам впоследствии самым глубоким, м<ожет> б<ыть>, источником нового творчества. Почему-то в этом отношении я спокоен за Олечку и отчасти за Киру и более всего опасаюсь, что мой первенчик Васенька оплошает и будет жить спустя рукава. Дай Господи, чтобы это было не так. Но опасаюсь, что Вася выйдет в своего дядю Шуру.

И еще.

Кто делает кое-как, тот и говорить научается кое-как, а неряшливое слово, смазанное, не прочеканенное, вовлекает в эту неотчетливость и мысль. Детки мои милые, не позволяйте себе мыслить небрежно. Мысль – Божий дар и требует ухода за собою. Быть отчетливым и отчетным в своей мысли – это залог духовной свободы и радости мысли.

1922.VIII.14.

Давно хочется мне записать: почаще смотрите на звезды. Когда будет на душе плохо, смотрите на звезды или лазурь днем. Когда грустно, когда вас обидают, когда что не будет удаваться, когда придет на вас душевная буря – выйдите на воздух и останьтесь наедине с небом. Тогда душа успокоится.

1923.III.19 с.с. Перед отъездом в Москву.

Великий Понедельник.

Милое мое дитяtko Мик, ты все болеешь, не выходя из болезней и страданий. Не вини свою маму, мое родное; она страдала и страдает больше твоего – время твое мучит тебя. Да будет вовеки над тобою, мой ясный ангел, Покров Матери Божией! Знай, что мы любим тебя всею душою и плачем над тобою, мой сыночек родной. Живи на радость себе и всем. Господь да хранит тебя, дитяtko.

1. Со старцем Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры *иеромонахом Исидором (Грузинским)* Флоренский познакомился в 1904 г., окормлялся у него во время обучения в МДА. Скончался 4 (17 н. ст.) февраля 1908 г. Ему посвящен очерк «Соль земли» (см.: Священник Павел Флоренский. Сочинения в 4-х томах. Т.1.с.571–637).

2. *Епископ Антоний (Флоренсов)* (1847–1918) – духовник П. А. Флоренского в 1904–1918 гг., благословил его на семейную жизнь.

3. *Киселева Наталия Александровна* — настоятельница Приюта сестер милосердия Красного Креста. Отец Павел был священником в домовом храме Приюта во имя равноапостольной Марии Магдалины.

Тучкова Софья Сергеевна — сестра милосердия Красного Креста в Сергиевом Посаде. Эмигрировала в Чехословакию в 1934 г.

Огнева (Киреевская) София Ивановна (1846–1940) – жена профессора Московского университета, гистолога Ивана Флоровича Огнева. Записала под диктовку Павла Александровича ряд его работ, в т. ч. «Иконостас», «Детям моим».

Письма семье

13–14 октября 1933 г., ст. Ксенийевская

1933.X.13–14. Дорогая мама, я наконец приехал ночью 1-го октября на место, хотя, быть может, и не окончательное¹. Тут очень красивая местность – на берегу реки, быстрой и прозрачной, среди невысоких, но многочисленных гор или точнее высоких холмов, покрытых лиственницами. Климат очень здоровый – сухой, солнечный, с хорошим горным воздухом, почва песчаная. Словом, здесь вполне можно было бы устроить курорт. Пейзаж напоминает кавказский, по Куре. А т. к. живу я около железной дороги и вдобавок интересами дороги, то все вместе мне приводит на мысль ту обстановку, которая была при моем рождении.² Как и быть должно, конец совпадает с началом. – Безпокоюсь о вас, как-то вы живете и как устраиваются мои дома.³ Писал тебе я с дороги несколько раз, но не знаю, дошли ли письма. Радуюсь, что повидал тебя. Скажи Кире, чтобы Мих<аил> Владимирович печатал Словарь изоляцион<ных> материалов без меня, мне же можно будет прислать корректуру для просмотра, или как-ниб<удь> пусть устроит иначе; статью о «Жизни изделий» пусть Мих<аил> Влад<имирович> приведет в порядок, как может, а копию пришлет мне на исправление – я постараюсь добавить кое-какие общие соображения. Впрочем, если хочет, пусть сдает в печать (в «Сорена») сам.⁴ Затем пусть он собирает материалы по биологическим факторам, вредящим сети (насекомые, грызуны и т. д.) и, обработав как сумеет, пришлет мне, но это еще, надеюсь, будет не скоро. – Только что посмотрел на адрес и увидел, что письмо это предназначалось, собственно, не тебе, а Оле. Поэтому напишу и ей здесь же. Целую тебя и всех.

Твой П.Флоренский

1. З/к ПА. Флоренский сообщает о прибытии на станцию «Ксенийевская» Уссурийской ж. д. (у о. Павла – Забайкальской – это ошибка), где располагалось 7-е отделение БАМЛАГа ОГПУ.

2. П. А. Флоренский родился 9 (22 н. ст.) января 1882 г. около местечка Евлах Елисаветпольской губернии (ныне Азербайджан). Вот как он пишет об этом в своей «Автобиографии»: «Отец мой, инженер путей сообщения, сын врача, строил участок З<а>-кавказской> ж<елезной> д<ороги>, и вся семья жила в товарных вагонах железной дороги на месте будущей станции».

3. О состоянии семьи в это время напишет в ноябре 1933 о. Павлу сестра Юлия Александровна: «Дорогой Павля! Наконец, имею возможность написать тебе несколько слов о всем семействе. Ты, конечно, понимаешь, что мое молчание до сих пор вызвано заботами о маме и страхом оставить ее без достаточных забот. Много мы пережили, и среди всего горя этих дней твой отъезд был, как мне кажется, наиболее чувствительным ударом. Она пережила это событие очень болезненно и перенесла свою любовь к тебе на детей, особенно на Васю, о котором старается заботиться по мере своих сил. Мама, конечно, постарела и сделалась меньше, но гораздо приветливее, чем была раньше. В противоположность своей прежней малоподвижности, теперь она все время что-то делает, то готовит изобретенные новые блюда, то убирает, штопает, шьет, вяжет – одним словом, ни одной минуты не остается без дела, говорит, что так ей легче и тоскливость делается меньше. Ея посещают знакомые, главным же образом Вася; если он не бывает раза 2 в неделю, то мама начинает волноваться; готовит особо кушанья и не хочет кушать без Васи. К сожалению, Васюшка никак не может понять, что его посещения поддерживают в бабушке бодрость, он явно стесняется приходить часто, то есть каждый день, и питаться у бабушки. Между тем, Аня говорит, что кроме бабушки он нигде и ничего не ест, т. к. столовых избегает. Наши уговоры помогают не всегда, и на днях, например, вышла целая драма. Вася хотел отлить из тарелки суп, бабушка нарочно убрала кастрюлю; тогда Вася рассердился, отказался кушать и убежал. После этого инцидента оба были в депрессии и по видимому оба считали свои отношения непоправимо испорченными. Шуре пришлось взять на себя успокоение Васи, а мне – мамы. Через день Вася все-таки заглянул к нам, и инцидент был

исчерпан. Не удивляйся, что пишу тебе эти мелочи – они позволят тебе подойти ближе к нашей жизни. Олечка созрела не по возрасту – все это время она поражает нас своей выдержкой и энергией. Помогала матери и была ей настоящим другом, успокаивала братьев, таскала на себе вещи, продукты; период тяжелой тоски разрешился у нее деятельностью, она очень стойка, но боюсь, что иногда слишком прямолинейна – может быть по-детски и это может произвести впечатление вызывающего поведения, для тех, кто не задумывается над ее душевным состоянием. Думаю, что встреча с тобой внесет мир в ее душу. Учится она серьезно и настойчиво, свою работу не приостанавливает, несмотря на все переживания и вопреки советам. К сожалению, мы видимся мало, т. к. в Москве она бывает, хоть и довольно часто, но все время в бегах, все по делам. Кира бодр, он поражает всех своим большим умом, своей неожиданной одаренностью; работает очень много, но успевает и забежать к нам, и погулять с товарищами, и съездить домой. Конечно, как и прежде, на него, как на более устойчивого, стараются свалить все ответственные и неприятные дела, и он безропотно несет их. И Васю, и Киру, как тебе известно, должно быть, из писем Ани, пропечатали за отличия в стенгазету, а Киру даже с портретом. На службе с ними, видимо, считаются и уважают. Работают они, правда, слишком много, иногда даже кажется, что Васе это не под силу – он старается возможно больше денег принести в семью и набирает всякие добавочные работы. Аня борется с этим, но ведь Вася упрям и упорен в своих решениях. Тика первое время была очень бледна и растеряна, но последнее время ее щеки порозовели; она упорно учит счет, решает задачи и старается с честью нести свое звание школьницы. Свой авторитет поддерживает некоторой внешней резкостью в отношении окружения – покрикивает и требует; Аня огорчается, называя эти проявления грубостью, но мне кажется, что она просто концентрирует свои переживания и в отношении тебя и в отношении счета. – Одним словом, маскирует сложности, которые не хочет выявлять. Мика очень нежен со всеми, он поражает своей добротой, отзывчивостью и благородством. Даже когда мы играли в блошки, он старается защитить свою старую тетку и поддавать свои блошки. Все дети держатся за семью и полны любви друг к другу, все поддерживают мать, кто как умеет. Больше всего нервничает, конечно, Вася – он болезненно переживает каждые шероховатости жизни; такому состоянию нервной системы способствует, конечно, и малярия, которая треплет и отравляет его довольно жестоко.

Семья Флоренских на крыльце дома в Загорске.

Слева направо: О.П. Флоренская, Н.П. Гиацинтова, Михаил (Мик) Ю.А. Флоренская, А.М. Флоренская.

В центре: о. Павел Флоренский с дочерью Марией-Тинатин (Тикой). Фотография В.П. Флоренского. 8 сентября 1932 г

...Не приходится писать тебе, что мы все живем постоянной мыслью о тебе. Сейчас напряженнее, чем раньше, чувствуется близость всей семьи и взаимное желание помочь друг другу. Аня стала нам особенно дорога. Между прочим – она похудела – и так похорошела и помолодела, что кажется сестрой своих сыновей. Ея кротость и любовь к окружающим кажется безграничной – на всех хватает сердца. Она очень энергична и не опускает рук в борьбе за своих детей. Домик твой стоит так же, и вообще Аня старается все поддерживать в полном порядке. Целую тебя, дорогой мой Павля. Если бы ты знал, как все мы любим тебя и готовы испытать общее горе. О материальном положении семьи не беспокойся. Все есть. т. Люся».

4. *Статья о «Жизни изделий» не издана. Михаил Владимирович – лицо неустановленное. «СОРЕНА» – журнал «Социалистическая Революция и Наука», в котором публиковались статьи ПА. Флоренского.*

23 ноября 1933 г., ст. Ксениевская

1933.XI.23. Дорогая мамочка, со дня на день я жду своего отъезда в г. Свободный, но пока все нахожусь в Ксениевской. Насколько мне известно из различных рассказов, в Свободном могут быть известные условия для научной работы, но я не вполне уверен в их достаточности. Это побуждает меня желать скорейшего переселения, хотя и не люблю перемен обстановки. Здесь, в Ксениевской, живется не плохо: вполне достаточная еда, комната не слишком тесная, в которой живут со мною еще пятеро, электрическое освещение, тепло – мы топим себе железную печку, – более менее удобные условия служебной работы. Работа эта вообще не по мне, т. к. она чисто инженерная или статистико-экономическая; но зато у меня культурный и воспитанный начальник, хорошо относящийся ко мне¹. Одежду теплую я получил – все ватное и валенки, так что, несмотря на здешние холода, не ощущаю их. Впрочем, мне не приходится бывать много на воздухе, больше сижу в рабочей комнате у нас в штабе. Выходы на улицу – 4 раза в день, в лагерь и из лагеря. Иногда немного пройдусь подышать воздухом и прогреться солнцем. Замечательно, тут даже в сильные морозы солнце греет, как в Москве весной. Солнца вообще очень много, почти всегда солнечно с раннего утра до позднего вечера. Но морозы уже и сейчас большие, до 40°.

1. Начальник – *В. Ути*, историк и этнограф, он снабдил о. Павла Флоренского при переезде в г. Свободный рекомендательным письмом, с просьбой предоставить ему возможно лучшие условия для работы и жизни.

27 ноября 1933 г., ст. Ксениевская

1933.XI.27. Дорогая Аннуля, я получил твои письма от 8 и 15 ноября, а также письма Тики, Мика и Оли, последнее от 14 октября (если только Оля не ошиблась, письмо с вокзала из Москвы). Письмо от 15 ноября получено 27, письмо от 8-го – ноября 23-го. Как видишь, письма доходят чрез все инстанции через 7–8 дней, и следовательно я вовсе не так далеко от вас, как кажется. Зато мои письма, по-видимому, до тебя не доходят. Ведь я много раз уже писал по поводу твоих сомнений и беспокойства, но ты в каждом письме повторяешь все то же. Пишу еще раз.

Обо мне следует беспокоиться менее всего. Живу я в теплой, даже пожалуй иногда чересчур теплой, комнате, работаю – также в хороших условиях и в тепле. Освещение электрическое. Еда – трижды в день: завтрак, обед и ужин, причем чай можно устраивать, когда дома, когда хочешь. Хлеб у меня остается, несмотря на то, что он вкусный (полупшеничный), и несмотря на то, что я хлеба всегда ем много. Получаем дважды в месяц немного печенья и конфет. Одет я весьма тепло, в валенках, ватных брюках и ватной телогрейке, поверх которой надеваю еще ватное полупальто, называемое бушлатом. Еда здесь во всяком случае гораздо более сытная и питательная, чем в Москве и тем более – у вас. Мой начальник относится ко мне вполне хорошо и ласково, так что мне из-за этого не хотелось бы уезжать из Ксениевской. Что касается до работы, то она не по моей квалификации, так как сводится к разного рода статистико-экономическим подсчетам, таблицам, графикам и т. д. Но вышло так, что я начал с мелких единиц организации БАМЛАГа и постепенно перехожу к более крупным, чтобы попасть в центр. Таким образом за короткое время я ознакомился по всему разрезу с новым для меня делом железнодорожного строительства за короткое время, и притом во всех его отраслях, включая и хозяйство, так что составил себе представление в целом о государственном предприятии огромного размера и значения. Доставляет, кажется, удовлетворение видеть большое и историческое дело в его процессе, а это дается не так-то часто и не столь многим. Вспоминаю своего отца, который работал над подобными же вопросами, но в масштабе гораздо меньшем и не столь разнообразного строения, как здесь, при комплексной организации всего дела.¹ Подробности, сами по себе не интересные, вроде валенок или рыбы, ликбеза или процентов использования лошадей и т. п., получают в общей картине свое значение и смысл, как необходимые слагающие целого. Предо мною вырисовываются большие задачи по экономике местного края, по изучению и может быть использованию вечной мерзлоты и т. д., и я надеюсь, что в дальнейшем и моим специальным знаниям найдется применение, полезное для государства. Предварительное знакомство с подробностями хозяйства, быта и техники конечно будет хорошей школой, без которой более тонкие научные вопросы висели бы в воздухе. Если бы не беспокойство за вас и мысль, что вы страдаете во всех отношениях, то я был бы просто доволен дальностью от Москвы и участием в самой гуще исторического строительства. Единственная действительная неприятность у меня, кроме вас, это отсутствие очков. Без них работать мне трудно, приходится гнутья, и вообще чувствуется какая-то низверженность. Но надеюсь, со временем и это устроится. Посылок и денег от вас я не получал. Решительно прошу мне ничего не посылать, тем более, что посылки обычно весьма запаздывают – иногда на 6 месяцев, денег же мне, скорее всего, не выдадут. Но деньги я получаю здесь в виде так называемых премиальных. Уплатил в столовую ИТР, часть осталась, и я ношу ее без пользы, так как покупать здесь нечего, да и не для чего – все есть готовое.

Чтобы тебе была более ясна картина жизни, скажу еще о лагерниках. Подавляющее число их, как из интеллигентского состава, так и более серых, – рослые, осанистые, большинство довольно полных, все с великолепным цветом лица, которому горожане могли бы позавидовать. Не знаю, зависит ли этот прекрасный наружный вид от здешнего замечательного климата

или от правильного распорядка жизни, а может быть от того и другого вместе, но наших лагерников стоило бы показать какому-нибудь иностранцу, или хотя бы Горькому¹. Тут не увидишь московской, а тем более ленинградской, бледности и испитости.

Доверенности я выслал тебе 1½ месяца тому назад, но, как обнаружилось, и притом случайно, они застряли в Ксениевской, а теперь пересланы в Свободный. Когда я буду там, то постараюсь выполнить твою просьбу, отсюда же не стоит высылать, т. к. боюсь, опять будут задержки. Относительно писем. Вы можете писать, сколько хотите, но число моих писем ограничено. Правда, из любезности может быть и позволят нарушить норму (1 письмо в месяц), но нельзя этим снисхождением злоупотреблять. Поэтому не беспокойся, получая мои письма сравнительно редко.

Хорошо, что ты завела себе очки, но плохо, что не лечишь себе руку. Между прочим, растирай ее камфарною мазью, а кроме того непременно посоветуйся с врачом. Больная рука не только помеха в работе, но и причина тяжелого настроения. Постарайся устроиться как-нибудь со светом или в крайнем случае заправляй хорошую керосиновую лампу. Крепко целую тебя, моя дорогая. Будь добра и заботься о здоровьи. Порадуй чем-нибудь маленьких и особенно Тику.

Твой П.Флоренский

1. Отец П. А. Флоренского, *Александр Иванович Флоренский* (1850–1908), – инженер-путеец, строил военную Батумо-Ахалцыхскую дорогу.

2. *А. М. Горький* в 1933 году побывал на Соловках и опубликовал восторженное описание этого лагеря: очерки «Правда социализма» и «Первый опыт» в книге: «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства». М., 1934 г.

28 ноября 1933 г., ст. Ксениевская

1933.XI.28. [Маме] Только что узнал о своем назначении в г. Свободный, еду завтра, – конечно, если удастся сесть на поезд, а это при здешней загруженности поездов не так-то просто. С сожалением расстаюсь с Ксениевской, т. к. успел уже привыкнуть к людям и до известной степени к работе. Но все говорят, что там, в Свободном, будут более благоприятные условия для научной работы. Вероятно там меня ждут ваши первые письма. Климат в Свободном мягче, чем здесь, – сказывается более низкое местоположение и близость, конечно относительная, к морю. По здешним расстояниям 1000 км считается «близко», а т. к. до Свободного мне ехать 1200, то и это близко. Мальчики, мне пишут, бывают у тебя часто. Я очень рад этому, и за них, и за тебя. Может быть помогут тебе в чем-нибудь по хозяйству. Ты ничего не сообщал мне, как живут Андрей, Шура и Лиля¹, впрочем об Андрее написала, о рождении у него сына². Поздравь его от моего имени, когда будешь писать.

Тут я наслаждаюсь солнцем. Каждый день, с раннего утра до позднего вечера небо безоблачно, солнце сияет так, что даже в самый сильный мороз делается тепло под его лучами, все залито светом. Мне все время вспоминается Гомеровское описание Олимпа, где, по переводу Жуковского, кстати сказать очень тонкому,

«воздух лазурью разлит
И повсюду тончайшим сияньем»³.

Поэтому и сам я чувствую себя вознесенным к небожителям.

Но говорят, и в Свободном солнечности тоже не менее. Как уверял меня один свободжанин, проживший там три года, из 365 дней в году 360 бывают солнечными.

А это уже настоящая стратосфера! Здесь можно провести хорошую работу по вечной мерзлоте почв и грунтов, до сих пор почти не изученных, несмотря на чрезвычайную важность этого явления для всех областей народного хозяйства и для общего миропонимания.

Почти половина Союза находится в состоянии вечной мерзлоты (47 % территории), и до сих пор мы не знаем точно даже границу распространения мерзлоты, не говоря уж об ее причинах, динамике, значении, способах борьбы с нею и об использовании ее.

Пишу тебе обо всех этих вещах, чтобы ты видела богатые возможности работы в здешнем крае. Уже и в настоящий момент, хотя я работать и не начинал, мне мерещатся некоторые практические последствия этой работы, применение мерзлоты в области электропромышленности, что м.б. весьма важно <в связи> с предстоящей электрификацией края. Поэтому не беспокойся обо мне и, главное, позаботься о своем здоровье.

Крепко целую тебя, дорогая мамочка. Поцелуй Люсю⁴ и скажи, чтобы она не набирала себе слишком много работы.

Между прочим, здесь я встречаю иногда кавказцев и вспоминаю о местностях, где я бывал, о море и о горах. Вместе с видом, напоминающим Кавказ, это дает особенно яркое воспоминание о детстве.

Спешу кончить письмо, чтобы сдать его.

Еще раз целую тебя.

П.Флоренский

1. *Флоренский Андрей Александрович* (1899–1961) – младший брат П.А. Флоренского, специалист по корабельным и береговым орудиям, лауреат Сталинских премий. *Флоренский Александр Александрович* (1888–1938) – средний брат П.А. Флоренского. Геолог, археолог,

этнограф. Скончался в концлагере в пос. Сусуман Магаданской обл. *Кониева (Флоренская) Елизавета Александровна* (1886–1959) – сестра ПА. Флоренского, художник, педагог. В письмах – Лиля.

2. *Флоренский Леонид Андреевич* (род. 18.08.1933) – племянник ПА. Флоренского, сын *Андрея Александровича Флоренского*.

3. Флоренский неточно цитирует строки 6-й песни «Одиссеи»: «.. где не подымлет мятелей зима, где безоблачный воздух / Легкой лазурью разлит и сладчайшим сияньем проникнут.» – в переводе В.А.Жуковского.

4. *Флоренская Юлия Александровна* (1884–1947) – старшая сестра ПА. Флоренского, врач, психиатр-логопед. В письмах – Люся.

[illegible]

Адресная и обратная сторона почтовой карточки, отправленной о. Павлом Флоренским
из ссылки. 1933 г.

11 декабря 1933 г., г. Свободный

1933.XII.11. г. Свободный. Дорогая Аннуля, уже давно не получал от вас писем. Может быть, они застряли в Ксениевской и будут привезены с какой-нибудь оказией, но во всяком случае я не знаю, что делается у вас. Письма, посланные сюда, то есть в Свободный, здесь были, их видели, но к моему приезду куда-то исчезли и найти их я не могу. Получил здесь твою посылку с маслинами, сухарями, консервами, сахаром и чаем. Все дошло в целости. Другой посылки я не получал. Денег (50 р.) я не получал, но вчера получилась повестка на 15 р., которые постараюсь получить завтра. Зачем посылаете все это, дорогая Аннуля? Ведь у меня все есть, я сыт, одет, в тепле, деньги ношу без употребления, а вы лишаете себя последнего. Ведь мне больно получать от вас, когда я знаю, что вы не пользовались необходимым даже при мне, не то что теперь. Дума о вас все время сверлит мне сердце, особенно при наличии всего необходимого.

Может быть, летом удастся устроить ваш приезд сюда или туда, где я буду к тому времени. Если бы это было на станции мерзлоты, то – самое лучшее. Вы погуляли бы в тайге, пособирали бы еще и грибов. Но надо устроиться так, чтобы приехали и дети, хотя бы трое младших, т. к. старшие будут вероятно в экспедиции. Может быть соберется с вами и бывшая Леночка, теперь Елена Сергеевна¹, так что ехать вам будет удобнее и веселее.

По послеобедам я пью чай с вашими маслинами и сухарями и вспоминаю снова вас. Впрочем, вспоминаю я непрестанно.

Сейчас сижу и пишу, а снизу доносятся звуки музыки – какие-то танцы: завтра выходной день и большинство не работает. Но нам в нашей комнате делать нечего, и мы приходим работать и в выходные дни. Веселие и оживление утомляют и не приятны, хочется жить посерьезнее и делать побольше. У меня столько разных мыслей и тем для исследования во всех областях, что досадно, когда они пролетают мимо, не оставляя следа и не воплощаясь в жизни.

Ты просишь писать о себе. Но ведь я только о себе и пишу. Но жизнь моя идет внешне очень размеренно, особенно здесь, в Свободном, и потому писать приходится все одно и то же. Я здоров, работаю. Тут встречаю разных более или менее знакомых по Москве и Ленинграду. Сижу и работаю вместе с Павлом Николаевичем², сплю также рядом, даже в уборную ходим вместе. Был здесь Михаил Тимофеевич³, но временно уехал в командировку, живет он также с нами. По вечерам, то есть уже около 12 часов ночи, немного беседуем. Читаю французские стихи, латинские – Горация, а больше ничего из поэзии пока не попадается. На это чтение трачу минут по 10 в день, т. к. нет больше времени, да и спать хочется. По техническим вопросам тут порядочная библиотека, но случайная, и потому постоянно нет именно той книги, которая в данный момент нужна. Есть кое-что и по другим отраслям знания, но подбор книг случайный. По физике особенно мало. Еда три раза в день: утром какой-нибудь завтрак, обед из трех блюд, вечером ужин из одного блюда. Как видишь всего вполне достаточно. Мяса тут, на мое счастье и к неудовлетворению других, весьма мало – больше все каши или что-нибудь из них, отчасти рыба, винегрет, картофель, тесто, кисель. Пока здесь я наладился со стиркой белья, которая вообще затруднительна из-за недостатка воды, – это зимой, а летом воды сколько угодно. Река Зея, очень полноводная и большая, находится в 3 километрах от нас.

Крепко целую тебя, моя дорогая. Целую Тику, Мика, Олю и старших, которым пишу отдельно. Кланяйся бабушке⁴. Бываешь ли у мамы? Как идут занятия у детей? Не скучай, а живи веселее, храни детей и себя. Еще раз целую тебя.

П. Флоренский

1. Каптерева Елена Сергеевна — жена Павла Николаевича Каптерева.

2. *Каптерев Павел Николаевич* (1889–1955) – сын профессора Московской Духовной Академии Николая Федоровича Каптерева (1847–1917), вместе с о. Павлом Флоренским – один из организаторов Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры (1918–1922). Арестован вместе с о. Павлом в 1933 году. Сослан на Дальний Восток, где они будут работать на Опытной Мерзлотной Станции в Сковородине. Соавтор, вместе с НИ. Быковым, работы «Вечная мерзлота и работа на ней» (М., 1940). В письмах – П.Н.

3. *Михаил Тимофеевич* — лицо неустановленное, по-видимому, знакомый о. Павла по Москве.

4. *Гиацинтова Надежда Петровна* (1862–1940) – теща П. А. Флоренского, жила в его семье в Загорске.

З/к Флоренский П. А. Каптерев П. Н. ОМС.
Сковородино. Фотография. 1934 г.

18 февраля 1934 г., г. Свободный

1934.П.18. Дорогая Аннуля, после длительных и канительных сборов, мы с П<авлом> Н<иколаевичем> наконец-то в Сковородине. Адрес: ст. Сковородино Уссурийской ж.д., Опытная Мерзлотная Станция¹ (я *ошибся*, когда писал «Забайкальской ж.д.»). Вопреки ожиданиям и страхам доехали очень хорошо, совсем по-барски: в особом вагоне, свободно, без опасения за вещи, одним словом так, как теперь не ездят. Своим перемещением (уже не временным, а постоянным) очень довольны. Тут приятный пейзаж – волнистый горизонт, холмы кругом, кажется есть и речка. Сковородино – маленький провинциальный городок, тысяч на 10. Мерзлотная станция – уютное тихое учреждение, вполне соответствующее сосредоточенной научной работе. Людей здесь мало – всего навсего, с рабочими, 25 человек. Начальство культурное, добропорядочное и благожелательное, так что с ним можно будет хорошо работать. Станция на отлете, за нею поле, так что чувствуешь себя как в деревне или на даче. Живем мы вчетвером, причем комната наша отделена лишь перегородкой от лаборатории. Лаборатория организуется. При станции опытный участок – словом все удобно. С сотрудниками мы пока не познакомились, кажется больше все молодежь. Здоров. Письма теперь пишите по новому адресу. Давно ничего от вас не получаю и беспокоюсь, особенно когда сам живу так благополучно. Когда вам можно будет приехать ко мне, то тут будет, где походить по окрестностям. Книг здесь немного, но есть хорошие и трудно доставаемые. Надеюсь, что с книгами как-нибудь устроимся. Солнца тут больше, чем в Свободном – местность выше и воздух чище. Небо безоблачное, и солнце, попадая на лицо, греет. Вот сейчас сижу в комнате, и лицу от солнечных лучей даже жарко. Ветров здесь, кажется, не бывает, так что несмотря на более северное положение (53° 58' с.ш. 123° 57' вост. долготы) чувствуется легче, чем в Свободном. До сих пор не знаю, получены ли вами те деньги, которые были высланы из Ксениевской и из Свободного, – последние через сберкасса. Сообщи мне. Завтра я высылаю еще, теперь уже переводом, и надеюсь на более скорую доставку. Крепко целую тебя, дорогая, и всех деток, кланяюсь бабушке. Получил письмо от Ал<ексея> Ив<ановича>², которое весьма досадило моему спутнику. Не забывайте своего папу, живите бодро. Пусть Олечка не огорчается своими неудачами, а воспользуется этим временем, чтобы поработать самостоятельно над книгой.

П.Флоренский

1. Сковородинская Опытная Мерзлотная Станция (ОМС) стала местом работы о. Павла в течение полугода (с 10 февраля по 10 августа 1934 г.). Здесь он целиком посвятит себя исследованию вечной мерзлоты, сделает ряд открытий в этой области. ОМС станет последним местом, где о. Павлу были предоставлены нормальные условия для научной работы по интересующей его проблеме, в дальнейшем, на Соловках он не раз будет вспоминать Сковородино и сожалеть о незавершенном труде, который обещал интереснейшие научные перспективы.

2. Архангельский Алексей Иванович — ученик о. Павла по Московской Духовной Академии, писал ему в годы ссылки. А.М. Флоренская пишет о нем мужу: «Ал. Ив. все время беспокоится о тебе и о нас – это единственный, а твои сослуживцы все о нас забыли...» (письмо от 1934.П.04). В письмах – А.И. или А.Ив.

Лаборатория ОМС.
Сковородино. Фотография. 1950-е гг.

1 марта 1934 г., Сковородино

1934.III.1. Сковородино, ОМС. Дорогой Кирилл, в прошлый раз я не успел написать тебе и потому пишу тебе первому сейчас, с утра. Вот уже десять дней прошло, как мы приехали на ОМС, т. е. Опытную Мерзлотную Станцию, но время это пролетело так, что его и не заметили. С утра, т. е. с 8 часов и до 12, 12^{1/2} 1 ч. ночи нахожусь в лаборатории, выходя из нее только чтобы пообедать и изредка – на ¹/₂ часа заснуть после обеда. Изредка выходим наружу, посмотреть на великолепную, развивающуюся рядом со станцией, наледь. Станция – небольшое учреждение, из нескольких домов, каждый из которых раза в 2 больше нашего, или вроде нашего. От лаборатории до столовой шагов 30, шагах в 30 – дом, где живет директор. Только до бани подальше, минут 10 ходу, если не менее. Комната, в которой живем, отделена перегородкой от помещений лабораторных. Как видишь, здесь все близко и под рукою. Всегда я мечтал жить непосредственно рядом с лабораторией, в тишине и подальше от города. Но исполнение желаний приходит, можно сказать, всегда с неожиданной стороны; так и в настоящем случае. Правда, лаборатория только организуется, ни приборов, ни реактивов нет. Но пока что мы пользуемся местными ресурсами – морозом. В холодильном шкафу, пространстве между двумя оконными рамами, но специально устроенными, морозим воду и грунты во всевозможных комбинациях. Наблюдаю процессы кристаллизации, делаю зарисовки, многое уясняется и этими примитивными опытами. Малость и скудость лаборатории, пожалуй, приятны, по крайней мере в моем вкусе. Очень интересны образующиеся здесь наледи, растущие изо дня в день. Столярную мастерскую заделало льдом уже более чем на половину высоты. Вспухают большие и малые ледяные бугры. Лед постепенно завоевывает территорию и быстро растет вширь и ввысь, словно пухнет. Из трещин, образующихся на нем, выбрасываются газы, выступает вода. При вскрытии ледяного покрова на особенно приподнятых местах из отверстия бьет фонтан, например на 70 см. Местами выступает какой-то минеральный раствор, покрывающий пушистым налетом лед, какой-то карбонат, но, вопреки ожиданию, – не кальция. Образуются сложные системы мощных трещин в ледяной толще. Наледь угрожает полотну железной дороги и подбирается к столовой для рабочих. Как видишь, происходит много интересного. Разрез наледных бугров, правда, подслеповатый и чересчур мелкий, можешь посмотреть в «Физической Геологии» Мушкетова, изд. 3-е¹.

Во главе ОМС стоит НИ.Быков², физико-математик и инженер, ранее работавший на Севере, в Игарке. Он много видел в области мерзлоты и рассказывает поучительные вещи. К тому же он недурно рисует, так что его рассказы сопровождаются показыванием зарисовок, очень интересных, например, северного сияния. Н.И. человек культурный, приятный в общении, и с ним можно работать. Живет тут с семьей³. Старший сын где-то работает, 2-й Кирилл похож на Васю, 3-й Игорь – вроде тебя, далее идет девочка Ира – вроде Оли и наконец мальчик Коля, похожий на Мика. Но все они немного моложе вас, года на 3, кроме самого старшего, которого я не видел. К нам Н<иколай> И<ванович> и его жена относятся очень ласково, балуют угощениями и всем, чем могут: Н<иколай> И<ванович> дает мне свои книги, краски, нарисовал мне ледяные холмики и наледи, получившиеся из обледеленых маревых кочек, даже принес цветные карандаши Коли.

Жизнь тут, по крайней мере пока, тихая, но напряженная. Ничего не успеваешь сделать; отчасти это происходит от неналаженности лаборатории, отчасти же – от того, что слишком сложны задачи. Целую тебя, дорогой; не забывай, пиши. Ведь я все время скучаю без вас и о вас безпокоюсь.

П.Флоренский

1. *Мушкетов Иван Васильевич* (1850–1902) – русский геолог, исследователь Средней Азии, Урала, Кавказа. Автор «*Физической геологии*» (ч.1–2, 1888–1891).

2. *Быков Николай Иванович* (1855–1939) – заведующий Сковородинской Опытной Мерзлотной Станцией на БАМЛАГе, между о. Павлом и Н.И. Быковым сложились дружеские отношения, а также плодотворное сотрудничество по изучению вечной мерзлоты. Для о. Павла особый интерес представляла его генеалогия, в его роду были представители родов Пушкиных и Гоголей.

3. Флоренский сблизился со всей семьей *Н. И. Быкова*. На ОМС с ним жили: жена *Ольга Христовна*, дети: *Кирилл, Игорь, Ирина и Николай*. Старший сын жил отдельно, о. Павел его не упоминает в письмах.

2 марта 1934 г., Сковородино

1934.Ш.2. Сковородино. Дорогая Аннуля, когда же я получу от вас весть, как вы живете и благополучны ли. С переездом в Сковородино связь прервалась, но я надеюсь, что она здесь будет впоследствии более надежной. О том, как я живу здесь, ты уже знаешь из письма Кире. Добавлю только, что нас закармливают, как на убой; за последнее время я так растолстел, что самому противно. Живем хотя и напряженно в смысле работы, но очень тихо и мирно. Пока что я сижу почти исключительно в лаборатории, делаю опыты, зарисовываю, как умею, полученные результаты различных промораживаний, пишу, вычисляю, часто беседую на разные научные темы с НИ.Быковым и с другими, обсуждаю постановку опытов с П<авлом> Н<иколаевичем>, участвую в заседаниях – научных, технических («производственных») и прочих, делаю указания нашему помощнику. Таковым оказался волею судеб ПК.Старикович¹ из Посада, учившийся в женской гимназии и на несколько лет (по возрасту – на 4) старше Васи. Он, Старикович, припоминает фамилию Васи, но лично его не может вспомнить, Вася скажет, не учился ли этот мальчик при нем, в одном из старших классов. Недалеко от Сковородина оказался проф. Сузин², от которого я получил недавно поклон. Кира, наверно, помнит Сузина по Москве. Вообще, здесь на БАМе знакомых легче встретить, чем в Москве, и кроме того все оказываются более приветливы, чем в Москве.

По приезде в Сковородино я послал тебе несколько денег; сообщи мне, получила ли ты их. Теперь я переслал переводом, так что надеюсь на более быструю и более верную доставку. Было бы неприятно, если бы то небольшое, чем я могу помочь вам, не доходило бы до вас.

Ничего не знаю я и о судьбе доверенностей, послал их уже давно, из Нанагр³. Судя по твоему письму, заключаю, что ты наконец-то получила эти доверенности, но удалось ли их привести в действие – не знаю.

Если бы не беспокойство за вас, меня не оставляющее никогда, и не печаль по разлуке с вами, я бы сказал, что очень рад избавлению от Москвы и доволен своею жизнью здесь. Работа при отсутствии необходимой литературы и приборов, конечно, не может идти достаточно успешно, но я предпочитаю менее успешную работу, лишь бы не было толчеи и дергания, от которых в Москве за последнее время не было житья.

В здешних краях, кроме москвичей, встречаю немало кавказцев или живших на Кавказе и вспоминаю с ними места, знакомые им и мне. С одним полугрузином думаю освежить в памяти то, что я когда-то выучил из грузинского, но сейчас начисто забыл. Зато сильно опасаясь за свой русский язык. Тут везде столько слышишь не то украинской, не то полуукраинской речи, или полубелорусской, что неправильные обороты и нерусское произношение перестают резать ухо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.